Пролетарии всех стран, соединяйтесь! • К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Пионерская ПРАВДА

Год издания 40-й
№ 89 (4840)
СУББОТА, 7 НОЯБРЯ 1964 г.
Цена 1 коп.

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА

Государственная библиотека СССР им. Ленина

СЕГОДНЯ ПИОНЕРЫ
ШАГАЮТ ЧЕРЕЗ ГОРОД,
И В КАЖДОМ БАРАБАНЕ
ГРОХОЧЕТ ЗАЛП «АВРОРЫ».
И ГАЛСТУКИ КАК ВСПЫШКИ,
И ВИДНО ВСЁ КАК С ВЫШКИ!
ВИДИМ — ВЕЧЕР ДЫМНЫЙ,
ВИДИМ — ГРОЗНЫЙ ЗИМНИЙ.
СЛЫШИМ ГОЛОС ЛЕНИНА:
«ТОВАРИЩИ, ВПЕРЁД!»
И МЫ БЕРЁМ РАВНЕНИЕ
НА ТОТ ДАЛЁКИЙ ГОД.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОГОДА
СЕМНАДЦАТОГО ГОДА!
И ЖАРКАЯ, И ЯРКАЯ
ЗНАМЁННАЯ ЗАРЯ.
И ЮНЫЙ В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ
НАСЛЕДНИК ОКТЯБРЯ.

Нас 22 миллиона юных ленинцев!

Это память навсегда: в Москве у памятника Карлу Марксу повязали ребятам красные галстуки космонавт В. Николаева-Терешкова и один из самых первых комсомольцев — генерал-лейтенант Н. Соколов-Соколёнок.

Стихи Ю. ЯКОВЛЕВА.
Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

САЛЮТ ОКТЯБРЮ!

ГОРИ, КРЫЛАТЫЙ ОКТЯБРЬСКИЙ ФЛАГ! ПО КОММУНИСТАМ РАВНЯЕМ ШАГ!

КОГДА в торжественной тишине, заполненной стуком твоего сердца, вожатая повязывает тебе красный галстук, помни: клятву ты даёшь не только друзьям из отряда.

Строгими глазами смотрят на тебя бойцы Октября. И комдив Чапаев, прищурившись, положил тебе руку на плечо. И первые пионеры с галстуками из ситца, давно ставшие коммунистами, приветствуют тебя. Они знают: ты пронесёшь этот красный галстук, как знамя, сквозь годы, ты будешь таким же честным и смелым борцом за наше дело, какими были они.

УЧИТЕСЬ ВЕРНОСТИ

В детстве я жила на Украине. Тяжёлые это были годы. Нашу землю топтал враг.

Но Красная Армия пришла... В день освобождения нас, ребят, никто и не созывал, а мы бросились к своей школе, оборванные, в лохмотьях, у некоторых ноги закручены тряпками, потому что гитлеровцы отобрали всю обувь. Страшно сказать: фашисты превратили нашу школу в морг! И взрослые и воины-освободители помогали нам в тот день очистить школу.

И вот мы идём учиться и очень завидуем ребятам, которых до войны приняли в пионеры: они в красных галстуках. А как же мы? Где возьмём галстуки в разграбленном селе? Учительница Валентина Александровна успокаивала:

— Не горюйте, быть и вам пионерами. Что-нибудь придумаем.

Она сделала галстуки из грубой холстины, окрашенной соком свёклы. Советские воины повязали нам такие галстуки и ушли вперёд, на запад.

И этот галстук из грубого холста был для меня всего дороже. Это он помог мне выбрать жизненный путь. Я стала пионерской вожатой и педагогом. Работала сначала на Украине, а потом на целине. Всегда я стремилась быть верной пионерскому галстуку. Символ этой верности — мой партийный билет, который я храню у сердца уже больше 10 лет.

Н. ЦЫБУЛЬСКАЯ.

Сегодня собрались все воспитанники детского дома...

Багряный парус юности моей...

— НОВЕНЬКАЯ пришла, новенькая пришла! — неслось по всему дому.

Новенькая — сероглазая худая девчонка лет четырнадцати в выгоревшем ситцевом платье, болтавшемся на ней как на вешалке, — озиралась по сторонам, не смея подняться на ступеньку мраморной лестницы.

В доме нэпманов, где она работала с одиннадцати лет прислугой, жили богато, но такого, конечно, не было. Нюрка Ладошина опомнилась только тогда, когда кто-то из комсомольцев тронул её за плечо:

— Познакомься, твой вожатый Семён.

Семён, веселоглазый парень с красным галстуком на сатиновой рубахе, взял её за руку и повёл по дому, то и дело объясняя на ходу:

— Вот спальня, вот столовая. А вот тут мы будем столярничать...

Небольшой морозовский особняк в Москве, где осенью 1924 года по инициативе Крупской открылась первая пионерская коммуна, был очень уютен, хотя и поражал новичков своими контрастами. Чёрные дубовые двери, узорчатый паркетный пол, пылающий камин в спальне и на голых столах железные миски и ложки.

От старой жизни остались ещё в доме собака Рекс и маленький белый попугай с розовым хохолком. Попугай был стар и мудр и знал множество слов. Каждый раз, когда коммунары усаживались за стол обедать, он садился на плечо поварихе, бывшей кухарке Морозова Норберте, и просил хриплым голосом: «Норберта, попка хочет есть». Вечером, заслышав бой старинных часов, попугай начинал бормотать молитвы. Оказалось, что птица жила раньше в молельне. Пришлось вести с попугаем «антирелигиозную пропаганду».

В холодную зимнюю стужу коммунары собирались в одной комнате, чтобы было теплее, и начинали петь: «Мы наш, мы новый мир построим...»

У дверей с попугаем на плече устраивалась обычно Норберта, у ребячьих ног растягивался Рекс. Старая Норберта покачивала головой, вздыхала и не знала, верить или не верить пламенным словам, которые с такой страстью произносили вчерашние чумазые беспризорники, сыновья отцов, погибших в гражданку. Вон сидит Нюрка Ладошина. Ишь, как распелась! А ещё месяц назад гнула спину на нэпмана. А Колька-то, Колька-то как старается! Норберта вспомнила, каким привела Кольку: грязный стоял, лохматый, ножки тоненькие. На другой же день новичок отколол номер. Поставила Норберта трёхлитровую бутыль с киселём на лестницу студить. Вдруг ребята бегут:

— Норберта, Колька весь кисель выпил, всю бутыль до дна!

Наголодался беднята!

...Догорают поленья. Уверенные голоса поющих упрямо убеждают Норберту: «Кто был ничем, тот станет всем...» Но не видит Норберта (где уж ей видеть в темноте, когда в комнате светит только камин), что сидит перед ней не Нюрка Ладошина, а директор детского дома и член Комитета защиты мира Анна Васильевна Ладошина и что рядом с ней парень задумчивый не просто Сашка Филатов, бывший беспризорник, бродяга, а известный и уважаемый поэт. И откуда Норберте знать, что приятель Сашки Филатова Сашка Островский — будущий сотрудник Министерства иностранных дел и объездит он все океаны...

...Потрескивают поленья. Идут разговоры о разном. О Ленине: был бы жив — обязательно приехал бы в коммуну. О шефах с «Серпа и молота» и с фабрики «Москвошвей»: надо показать им «Синюю блузу».

«Синяя блуза» — живая газета. Сашка Филатов и ещё несколько ребят стишки, частушки сочиняют, разыгрывают сценки разные, например: «О пользе ясель», «О борьбе с пьянством», «О вреде религии»...

Жизнь была наполнена до краёв. Всеми стенами, всеми своими звонкоголосыми жителями старый особняк в Товарищеском переулке был связан с делами страны.

Собирали средства на восстановление Артека после землетрясения в Крыму. Выручали немецкий журнал «Барабан» «интернациональной копейкой». Помогали старшим в распространении подписки на первый заём. И, наконец, много, упорно, без устали работали. Мальчики помогали рабочим на «Серпе», а девочек фабрика «Москвошвей» взяла «на материнские моторы». В те часы, когда работницы уходили кормить маленьких детей, их заменяли у машин расторопные детдомовцы.

У коммуны было много друзей. Кто только не перешагивал её порог: французские ребята, приехавшие на слёт, и величественный старец — поэт Индии Рабиндранат Тагор, маленький, худенький мальчик из Америки Гарри Айзман, которого удалось вырвать из тюрьмы. И Алексей Максимович Горький.

...Был июнь 1928 года. В палисаднике буйно цвела сирень. Букеты из её гроздьев были похожи на маленькие облака. Горький шёл сквозь эти сиреневые облака по той же мраморной лестнице, по которой когда-то поднималась Нюрка Ладошина. Над лестницей висел плакат: «Наш пионерский привет дорогому Алексею Максимовичу!». Растроганный до слёз, Горький говорил:

— Черти вы мои хорошие!..

А «черти» в красных галстуках не давали ему опомниться: показывали ему свою библиотеку, интернациональный уголок и уголок Владимира Ильича Ленина. Потом в столовой пили чай. Алексей Максимович, беспрестанно окая, рассказывал:

— Не такое было у меня детство. Вы, юные строители, право, молодцы! Славные вы ребята, славные!

Провожали Горького до машины всем детским домом. В вечернем сумраке алели галстуки, и самый яркий был у Алексея Максимовича.

Горький потом не раз вспоминал о коммунарах. В 1931 году в Доме актёра он рассказывал о пионерах:

— Сегодня их ко мне пришло четверо... Это уже совершенно взрослые люди, которые работают, например, плотину выстроили в каком-то колхозе и государству сэкономили несколько тысяч рублей.

Среди четверых, пришедших к Горькому, был Саша Филатов и Гарри Айзман. Они-то и рассказали писателю про плотину. Построили её коммунары в селе Ахтырки Загорского района. Когда плотина была готова, со всех окрестных сёл съехался народ на митинг. Как полыхало знамя на ветру! Какие у коммунаров были хорошие, освещённые счастьем лица! Долго потом жила в округе поговорка: «Была речка Воря, а теперь — Ахтырское море!»

Если сейчас спросить бывших воспитанников коммуны, что же самое главное было в их жизни, они ответят: дружба.

— Мы не мыслили себя один без другого. В дружбе была наша сила, — поправляя седые пряди волос, говорит мне Анна Васильевна Ладошина.— Детский дом был для меня всем: и отцом, и матерью, и другом, поэтому из педагогического института я сразу пришла сюда.

Мы разговариваем с Анной Васильевной в маленьком, уютном кабинете. Горит настольная лампа под абажуром. Жёлтый круг света освещает старинные узоры на потолке, те самые узоры, которые так поразили когда-то Нюрку Ладошину. На минуту мне показалось даже, что передо мной сидит не директор детского дома, а худая, голенастая девчонка, сбежавшая от нэпманов...

Анна Васильевна встаёт из-за стола, и мы вместе совершаем вечерний обход. По дороге заглядываем в комнату третьего класса. За удобными цветными столиками делают уроки десятка два ребят. Среди светлых косичек и чубчиков выделяются чёрные кудрявые головы — это дети из Африки. Они нашли в детском доме свою вторую семью.

Мы тихонько прикрываем дверь. Анна Васильевна улыбается:

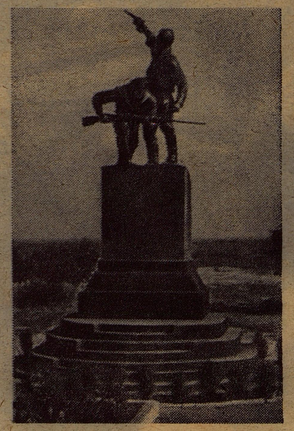
— У нас для всех найдётся место и в наших сердцах, и в нашем доме. Очень верно сказал об этом в последних стихах Саша Филатов:

Мы рождены в дыму боёв горячих,
В Октябрьском штурме много лет назад.
Они — в водовороте новых стачек
И в отсветах недавних баррикад.
Для них теперь и песни, и раздолье,
И дом — обитель света и тепла.
Как хорошо, что им сиротской доли
Познать Отчизна наша не дала!
И мы — врачи, шахтёры, адмиралы, —
Гордясь родством и дружбой сыновей,
На их груди целуем галстук алый —
Крылатый парус юности своей.

М. БАРАНОВА.

1928 год. А. М. Горький в гостях у коммунаров.

Сабля конника



В ЭТОЙ КОМНАТЕ хорошо работается. Школьные художники здесь рисуют свои картины, скульпторы долгими вечерами колдуют над огромным куском мела. И вот уже из этого куска всё яснее вырисовывается фигура рабочего с Красным знаменем, и на всех полотнах видишь одно: пригнувшись к конским шеям, скачут по степи лихие конники. Комнату эту в школе зовут музеем Красного десанта.

В этой комнате хорошо думается. Лида Данильченко и не заметила, когда разошлись ребята, задержалась у витрины. Это мальчишки из её отряда положили сюда совсем ещё новый альбом. На обложке написали: «История деда Короля». Дед Король... Для неё он просто дедушка. Наверное, был добрый и весёлый. Не помнит она его. И совсем недавно узнала, что был он сильным и смелым. В годы Великой Отечественной войны партизанил в родном Приазовье. Под самым носом у фашистов перевозил на другой берег залива бежавших из плена советских солдат. Расстреляли деда Короля. Это совсем недавно узнали ребята из её отряда.

Когда отряд выбирал председателя, все мальчишки в один голос сказали: «Лиду Данильченко!» И объяснили: «Она же внучка деда Короля!»

Лиду и прежде выбирали в совет отряда. Говорили, что она хорошо учится, товарищам своим помогает, от работы никогда не бегает. А тут вот сказали: «Внучка деда Короля». Это и ново, и ответственно...

На самом видном месте лежит старая, потемневшая сабля. Лида потрогала её рукой: «Здравствуй, старая знакомая!» Когда Лиду в этой комнате принимали в пионеры, она очутилась прямо перед этой саблей. И свой первый пионерский салют отдала боевому оружию героического восемнадцатого года. И пусть ребята говорят, что эта сабля принадлежала неизвестному бойцу Красного десанта, Лида всё равно считала, что саблю держал в руках сам Тимофей Сердюк.

Это он в далёкие годы гражданской войны гарцевал по улицам их села. А когда Красный десант атаковали полчища интервентов, командир приказал Сердюку:

— Поднять полк и атаковать врага! Надо спасти тех, кто уцелел на судах. Прощай, Тимофей!

И вот из-за скал вылетели и устремились в степь красные казаки. А впереди Тимофей. Только простреленный десятью немецкими пулями он упал в степной ковыль. Выпала сабля из ослабевшей руки. Через много лет её подобрали весёловские ребята.

Скоро Лида снова придёт в эту комнату. Здесь принимают ребят в комсомол. И её тоже будут принимать. О чём её спросят? Хорошо бы спросили, за что комсомол награждён орденом Красного Знамени, она бы рассказала о Красном десанте. Восемь лет восстанавливает школа эту героическую страничку гражданской войны. Знают теперь о десанте всё: и каким неспокойным было Азовское море, когда высаживались у села ейские коммунисты и комсомольцы, и как помогало рабочим население, и как жестоко расправлялись каратели с людьми, боровшимися за свою свободу. Всё их село Весёлое объявили большевистским. Крестьянам отрубали руки, ноги, а потом расстреливали.

Ещё Лида показала бы саблю и рассказала, как недавно держала её в дрожащих руках пожилая взволнованная женщина Мария Ивановна Чаленко. Девочка видела, как скатывались слёзы на холодную сталь.

Марию Ивановну, участницу десанта, тоже отыскали следопыты. Вместе с ней пришли на берег моря.

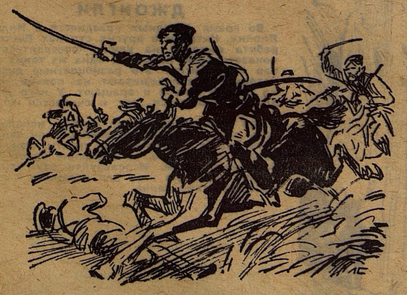
Беспокойны, говорливы были в тот день азовские волны, словно не терпелось им поведать ребятам о трагических событиях тех далёких дней...

Немецкие интервенты после разгрома десанта привезли сюда семьдесят женщин, семьдесят красных сестёр. Плескался прибой, а песок был ласковый и мягкий.

— А ну, входите в море! Плывите в свой Ейск к большевикам! — приказал офицер.

Женщины кинулись в море — с берега раздался залп. Окутанные розовой пеной, люди метались в волнах. Их становилось всё меньше и меньше.

— Меня, тяжелораненую, подобрали крестьяне, — закончила свой рассказ Мария Ивановна.



Слушала её Лида, а сама думала: сколько же тогда Марии было лет? Семнадцать? Шестнадцать? Чуть больше, чем ей. А какая героиня! Вот такой внучкой гордился бы дед Король. За такой девчонкой пошли бы все мальчишки из её отряда.

Т. МАЧНЕВА.
(Наш специальный корреспондент).

Ростовская область,
Неклиновский район, Весёловская средняя школа.

ОСЕНЬ

Осень улицей спешит,
Красит всё — не ленится!
Под колёсами шуршит
Жёлтая метелица.

Расцветился тротуар
Пятачками медными,
Осень входит на бульвар
Поступью победною.

По-хозяйски, без помех
Пошумела клёнами
И давай румянить тех,
Что стоят зелёными.

Гроздья красные рябин
Огненными кажутся.
Улыбаются они
Новосёлам-саженцам.

Кто же осени не рад
В кумачовом пламени,
Пионерский наш отряд
На октябрьский парад
Выйдет с Красным знаменем.

ВУКОЛОВ Валерий.

Москва.

ВАНЯ И ДЕНИСКА ИЗ ЛЕНИНСКОГО ПОЛКА

Во время гражданской войны наш полк сражался с врагами на юге страны. В освобождённых городах и станицах приходили к нам мальчишки, у которых белые убили родителей, и просили принять к себе. Трудно было отказать им.

Особенно запомнились мне двое ребят, подобранных комиссаром полка под Астраханью. Одного звали Ваня Зубов, другого — Денис Заяц. Первый был и ростом повыше и поплечистее, второй — щупленький, вихрастый, курносый, весь в конопатинках. Но зато какой он был юркий, ловко, по-кошачьи ползал — ни за что не услышишь! Ребята часто ходили в разведку и добывали очень важные сведения. У них и оружие было: две трофейные сабли, которые полковой кузнец укоротил им по росту.

Выдавались и тихие минуты в нашей боевой жизни. Подойдут тогда Ваня и Денис к комиссару Григорию Колесникову, сядут рядом.

— Расскажите, — просят, — о Ленине.

И комиссар говорит о том, как по декрету Ленина рождалась Красная Армия, как создавали наш полк и спорили о названии полка. Одни считали, что нужно назвать его интернациональным, другие — коммунистическим, третьи — рабоче-крестьянским. Кто-то из большевиков предложил:

— Назовём полк Ленинским. Это имя объединяет в себе всё, что связано с революцией.

А потом в Москве делегация полка на Манежной площади увидела Ленина. Он вышел из автомобиля, невысокий, в демисезонном пальто, и быстро направился к строю красноармейцев. Громкое «ура» перекатывалось от одной делегации к другой. Владимир Ильич шёл вдоль строя. Здесь он и узнал, что есть полк его имени. Ленин улыбнулся, но возражать не стал.

...Комиссар рассказывает, а ребята слушают, сидят тихо.

Настоящими ленинцами были сыновья нашего полка — Ваня Зубов и Дениска Заяц. Помню последний бой в районе Наурской (есть на Тереке такая станица). Двое суток сражались бойцы, три четверти состава полка вышло из строя, остальные продолжали стоять насмерть. Командир полка бросил на

помощь резервный взвод, а с мальчишками передал записку командирам 2-го и 3-го батальонов, чтобы держались до подхода подкрепления. Ребята увидели, что вражеский пулемёт прижал наших бойцов к земле, и бешеным галопом полетели к вражеским пулемётчикам. Соскочили с лошадей, забросали беляков гранатами, а пулемётный огонь хотели направить против вражеской пехоты. Но другой пулемёт врагов накрыл их своими очередями...

Ребята остались живы. Говорят, что тяжелораненых, их отправили в город Грозный, в госпиталь. Больше я их не встречал.

Если они уцелели, то наверняка стали настоящими людьми. Оба хотели учиться. Где-то раздобыли истрёпанный учебник для третьего класса и читали его каждую свободную минуту, а за чтением газет забывали даже про ужин.

Когда я вспоминаю славный Ленинский полк, товарищей по оружию, мне приходят на память и милые курносые лица отважных ребят — Денискиа Зайца и Вани Зубова.

В. С. СОЛОМЕННЫЙ,
член партии с 1918 года.

талисман Сокола

ОДНАЖДЫ Гарик спросил отца:

— Папа, почему ты всегда носишь с собой этот клочок материи?

— Это мой талисман, — ответил отец.

— Талисман?

Слово для Гарика было новое и непонятное. Он задумался.

— Талисман такая, брат, штука, которая приносит человеку счастье, — улыбнувшись, объяснил отец и вынул из кармана гимнастёрки красный лоскут. Лоскут был потёртый и выцветший, с крохотной дыркой.

— Такие лоскуты носили на шинелях бойцы нашей четырнадцатой кавалерийской дивизии.

И он рассказал Гарику о революции, гражданской войне, о том, сколько хороших людей с красным лоскутом на груди пало в боях с беляками.

— Подари его мне, — попросил Гарик.

Отец покачал головой:

— Не сейчас...

Через несколько месяцев Гарик прибежал домой из школы в красном галстуке.

— Вот видишь, — сказал отец, — теперь и у тебя есть талисман. Поздравляю! Будем считать, что одним бойцом у нас стало больше.

Как настоящий боец, Гарик мечтал о подвигах. Ему часто снились неудержимые атаки конников в лихих буденовках, дерзкие рейды по тылам врага, жестокие сабельные сражения. Всё это он видел так ясно, что, просыпаясь, готов был расплакаться.

Как-то за завтраком отец сказал:

— Некоторые ребята мечтают о подвигах и не могут постоять за девочек, которых обижают во дворе хулиганы.

В тот же день Гарик заступился за «слабый пол» и был избит хулиганами. После этого он обзавёлся гантелями и боксёрскими перчатками.

Когда Гарик вступал в комсомол, секретарь сказал членам бюро райкома:

— На Беговой сейчас ни одного ЧП. Те, кого считали задирами и хулиганами, заимели боксёрские перчатки и занимаются в дворовой секции бокса, ходят в походы. Молодец, Гарик!

И он по-мужски сильно пожал Гарику руку.

Гарольду Кузнецову шёл восемнадцатый, когда началась война.

— Поступил в лётное училище, — сказал он отцу на второй день войны.

— Когда в дом приходит такая беда, мужчины должны браться за оружие, — одобрил отец.

Перед отправкой на фронт Гарик заехал домой. Встретила его мать.

— А отец? — спросил он.

— Он там, — кивнула она на запад. Потом из старой гимнастёрки отца достала лоскут красного сукна: — Это тебе от отца...

Три года Гарик летал через линию фронта в тыл врага к партизанам. На его счету 300 боевых вылетов. Каждый раз, когда пересекал линию фронта, приходилось пробиваться сквозь зенитный заслон, отстреливаться от «мессершмиттов». Однажды еле дотянул до своих. Приземлился возле какой-то берёзовой рощицы, потерял сознание. Товарищи рассказывали, что на самолёте не было живого места: насчитали около трёхсот осколочных и пулевых пробоин. Несколько месяцев пролежал в госпитале, с трудом прошёл медкомиссию и снова вернулся на фронт.

— Он рождён, чтобы летать, — говорили о Гарольде Кузнецове товарищи, когда он вступал в партию.

И действительно, летал Кузнецов соколом, был настоящим хозяином пятого океана. После войны испытывал новые самолёты и многим из них дал путёвку в небо.

Впрочем, о том, каким он был пилотом, может рассказать магнитофонная запись, сделанная во время его последнего полёта.

«20 часов 46 минут. Гарольд Кузнецов передаёт на Землю:

— Машина отличная.

Вдруг голос обрывается.

Земля:

— Сокол! Сокол!

В ответ — тишина.

20 часов 46 минут 15 секунд.

Снова раздаётся голос Кузнецова:

— Вспыхнул мотор. Пытаюсь сбить пламя.

Земля:

— Сокол! Немедленно катапультируйся. Повтори, как понял.

— Вас понял... Буду спасать машину.

И опять напряжённая, леденящая душу тишина.

20 часов 46 минут 49 секунд.

Голос Кузнецова:

— Самолёт перешёл в штопор. Огонь подползает к кабине. Выясняю причину аварии.

Земля:

— Товарищ Кузнецов, приказываю немедленно покинуть машину.

И снова связь прерывается.

20 часов 47 минут 02 секунды.

Голос Кузнецова:

— Причины аварии следующие...

20 часов 47 минут 33 секунды.

Голос Кузнецова:

— ...Если устранить эти недостатки, безопасность полётов будет полная...

20 часов 47 минут 44 секунды.

— ...Товарищи, я сделал всё, что мог, чтобы подобные ЧП в небе не повторялись... Через несколько секунд меня уже не будет. Помогите дочке Леночке стать таким же коммунистом, каким был её дед. Привет родным, товарищам! Прощайте. Ваш...»

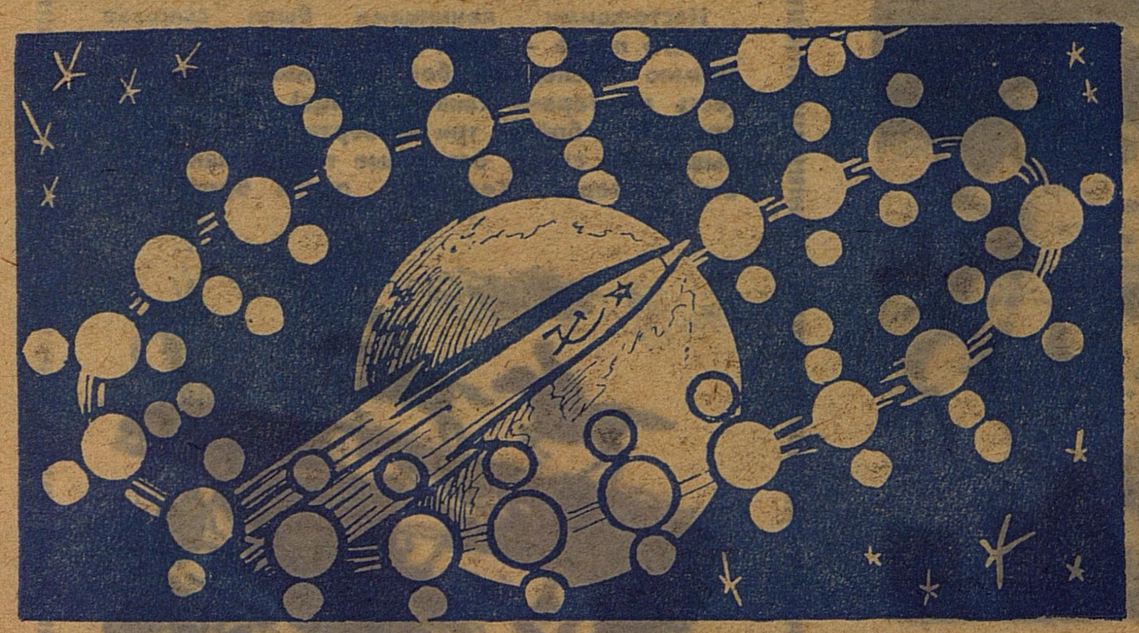
В планшетке Гарольда внутри лётной карты друзья нашли его талисманы: красный лоскут, пробитый вражескими пулями, и красный галстук. С ними он не расставался никогда. Даже в полётах, когда работал испытателем, стараясь, чтобы наши самолёты летали выше всех, дальше всех и быстрее всех.

Мать Гарольда, Зинаида Ивановна Кузнецова, передала галстук сына пионерам 221-й московской школы. Недавно их дружине присвоено имя Гарольда Кузнецова. Юные москвичи поклялись беречь красные галстуки так, как берёг Гарольд Кузнецов, — всегда, везде, всю жизнь.

Б. ПОЛЯКОВ.

НА СНИМКАХ: вверху — Гарик Кузнецов — пионер; внизу — Гарольд Кузнецов с Полем Робсоном.

на досуге



▲ Закружились в хороводе советские спутники Земли!..

Проставьте в каждой группе кружков такие слова, чтобы в больших кружках — спутниках, летящих по орбите, можно было прочесть имена известных вам людей.

Как, не владея иностранными языками, прочесть лозунги, под которыми идут люди, вставшие на защиту свободы и национальной независимости своих стран? ▼

Четырьмя взмахами ножниц разрежьте эту букву на пять частей так, чтобы из них можно было сложить квадрат для флажка.

Найдите в этом водопаде мудрую пословицу горцев об одном из высших достоинств человека.

ПАРНОЕ БИЛЬБОКЕ

Вы слышали об этой старинной игре?

Для поединка в ловкости сделайте парное бильбоке. Возьмите кусок цветной ткани прямоугольной формы размером 50×25 сантиметров. Закрепите две палочки, как показано на рисунке. В центре ткани — шарик на бечёвке, а около каждой палочки прорезан круг. Растягивая ткань, игроки заставляют шарик взлетать, но каждый старается подтянуть ткань к себе, чтобы шарик попал в его лунку. Кому это удалось, тот выигрывает одно очко. Играют до пяти очков.

ДЖОНГЛИ

Во время народных празднеств в Индии, Японии, Китае и в других странах Востока ребята выходят на улицу повеселиться и показать свою ловкость. Одна из таких забав — джонгли. Это разноцветные диски, которые уравновешивают на пальце или на тонкой трости и вращают. У кого диск дольше вращается, тот и считается более ловким.

Для таких состязаний можно использовать пластмассовые тарелочки. Если закрутить такую тарелочку на трости, как показано на рисунке, то вращение будет как бы бесконечным. Используйте эту удивительно красивую игру для поединка в ловкости жонглирования.

Игры и головоломки подготовлены С. ГЛЯЗЕРОМ. Рисунки Л. СМЕХОВА.

А — 109092. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон для справок: Д 1-15-00, доб. 2-38. Индекс 50101 Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 2127. ● Редактор Н. М. ЧЕРНОВА. ●